

И.М. Камова

Семантика имени в художественном тексте

Наибольшую ценность как для теоретической, так и для прикладной лингвистики представляют те исследования, в которых семантическое описание языковых единиц строится с целью дать объяснение фактам их употребления в тексте (или дискурсе). В ходе исследований, имеющих указанную ориентацию, была разработана общая концепция описания семантики языковых единиц (см., например, обзорную работу [1]), которую мы рассмотрим на материале антропонимов. Согласно А. Вежбицкой [2], через личное имя, употребленное в речи, передается главным образом отношение говорящего к адресату (оценка говорящим своего социального статуса по отношению к статусу адресата; чувства, которые говорящий испытывает по отношению к адресату). В нашей работе мы хотим показать, что семантика имени не исчерпывается этими признаками, что имя в тексте, в частности в художественном тексте, несет гораздо больше информации, чем указание на статус адресата и выражение различных чувств, которые говорящий испытывает по отношению к референту имени.

В тексте «Былины о Микуле Буяновиче» алтайского писателя Г. Гребенщикова наблюдается большое разнообразие имен главных героев [3]. Так, героиня называется в разных контекстах *Авдотья*, *Дуня*, *Дуняша*, *Дуняшка*, *Дунюшка*, *Дунька*, *Авдотья Петровановна*, *Овдокея Петровановна* и даже *Авдотья Петровна*, *вдова Астахова*. Главный герой «Былины» носит имена *Микула*, *Микула*, *Микулушка*, *Матвей Бочкарь*, *Мотья*, *Мотьяка*, *Мотюха*, *Иван Лихой* и тд. Если бы прагматический слой данных имен был пуст, то все эти имена находились бы в отношении свободного варьирования, т.е. было бы неважно, каким именем назвать референта в той или иной ситуации. Однако это совсем не так. Рассмотрим семантику личных имен в тексте Г. Гребенщикова.

Выбор имен. Главных героев «Былины» зовут *Микулой*, *Авдотьей* и *Ильей*. *Микула* и *Авдотья* – это народные формы имен *Николай* и *Евдокия*, которые тем самым характеризуют их носителей как выходцев из народа, крестьян [4]. Кроме того, для русского читателя, знакомого с фольклором, данные имена обладают определенными коннотациями: *Микула* ассоциируется с богатырем-пахарем *Микулой Селяниновичем*,

Илья – с богатырем *Ильей Муромцем*, *Дуня* с героиней шуточных песен, бесталанной тонкопряхой, женщиной с неудавшейся судьбой [5, с. 84–87]. Таким образом, мы видим, что прагматический слой личных имен в художественном тексте содержит отсылки к прецедентным текстам, которые активизируются в определенных контекстах. Так, внешне невинные частушки о Дуне, которые поют деревенские парни и девки, звучат для нее особенно обидно, так как в них выходят на первый план коннотации этого имени.

Эй! Дуня, Дуня, Дуня-я!

Да, Дуня – ягодка моя...

Дружным ревом, с ладным, гулким топотом сапог все подхватили:

Да, Дуня – ягодка-малина

Больно гра-амотная!..

Эй, как у Дуни от работы,

Разболелась голова!

Полные имена. Полные имена являются нейтральными формами для обозначения взрослых персонажей, крестьян. Об этом свидетельствует тот факт, что именно эти формы употребляются в интродуктивной функции, т.е. впервые вводят персонажей в поле зрения читателя, поскольку при интродукции персонажа выражение чувств исключается, например: *У Петрована дочь на возрасте, Авдотьей звать. Сватает ее соседский сын Илья...* Однако в обычной жизни полной форме предпочитается неполная форма имени: *Дуня* (от *Авдотья*). Именно так называют героиню «свои»: члены семьи, соседи, деревенские жители – демонстрируя по отношению к ней отсутствие дистанции и положительные эмоции. Поэтому полная форма имени, будучи употребленной теми же самыми людьми, является маркированной. По контрасту с положенной в соответствии с речевыми нормами неполной формой полная форма может обозначать, в зависимости от контекста, то, что говорящий думает или говорит о референте имени как о «чужом» и/или не хочет по каким-либо причинам демонстрировать по отношению к нему положительные эмоции. Так, Петрован думает о взрослой дочери-невесте как бы со стороны: *Да и спешить с выдачей Овдотьи замуж неохота: у Петрована сын растет, едят те мухи, уж по восьмому*

году, Микулка. Деревенские жители называют ее Авдотьей, не одобряя ее поведения: *А тут же еще такой редкий случай на деревне выпал: какой-то барин из-за снежных вьюг застрял на земской квартире и по деревне слух пошел... Да что слух! Многие сами видели, как барин к Петровановой **Авдотье** приехал, деньги Петровану сотенными выдал, а сегодня, в первый Святочный день, **Авдотья** выцелкнулась в свое праздничное кашемировое платье и сама, бесстыжая, пошла к нему на земскую... Бабушка Дуни сухо обращается к внучке, будучи усталой и расстроенной: У бабушки Устиньи только теперь застучали старые, расшатанные зубы. Руки хватались за глаза, а в глаза как будто кто песку бросил. Плачет, а слез нет. Пересилила себя и твердым голосом распорядилась:*

– *Стели отцу, **Авдотья**, да дай пареньку-то молочка чашку. Сами-то и так уснете. Завтра разбуджу до свету.*

Семья говорит между собой об Авдотье, считая ее «чужой» и относясь к ней с неодобрением:

Амцик пыхнул табаком и ... обратился к Петровану:

– *Ну, а как насчет **Овдотьи**? Отыскалась, нет?*

*Микулку это укулоло. Не понравилось ему, что **Дуня** названа была **Авдотьей**, но он смолчал...*

Таким образом, форма имени может определять не только отношение говорящего к референту имени, но и эмоциональное состояние самого говорящего.

У тех имен, у которых полная и краткая форма совпадают (*Микула, Илья*), полная форма является нейтральной, немаркированной: так называют референта имени и «чужие», и «свои». Однако полная форма имени может относиться только к взрослому. Если с данной формой имени обращаются к ребенку, это значимо. Так, Петрован обращается к маленькому сыну:

– *Запоешь брат, сын **Микула**, когда век затянется, а житье-бытье поглянется. Хе-хе-э!*

Нейтральной формой имени для ребенка является *Микулка*. В данном контексте Петрован обращается к маленькому сыну как к взрослому, подчеркивая свое с ним равенство обращением *брат*, обсуждая с ним серьезные вещи.

Полное имя с отчеством (и фамилией). Полное имя в сочетании с отчеством (и фамилией) употребляется в двух типах контекстов: 1) когда оно уточняет референта; 2) когда говорящий хочет продемонстрировать уважение по отношению к референту имени. Так, автор называет убитого Микулой молодого подпоручика *Иваном Ильичом Лукичевым*, подчеркивая, что это «тот самый», сын Ильи,

племянник Микулы: *Так и было: подпоручик **Иван Ильич Лукичев**, по приемному отцу **Сакулин**... Вот кого убил он, атаман Лихой-Микула... Героиню, которую обычно жители деревни называют просто *Дуней*, они называют и по отцу – формой, функционально тождественной отчеству, – для точной идентификации: Только уехал Проезжий – пошла молва о том, что **Дуню Петрованову** «застали с барином».*

С другой стороны, автор использует эту форму для интродукции персонажей с более высоким социальным статусом: *У Петрована дочь на возрасте, **Авдотьей** звать. Сватает ее соседский сын **Илья**, да что-то его мать все хорохорится. Дело понятное: мать Ильи, **Мавра Спиридоновна**, хоть и вдова, а в серебряных сережках щеголяет.* Статус богатой соседки выше, чем статус ее ровесника Петрована, тем более чем статус молодых Дуни и Ильи, поэтому она названа по имени и отчеству. Прототипом для полной формы имени с отчеством является взрослый человек с более высоким, чем у говорящего, статусом. Сами по себе эти формы не характеризуют референта ни как «своего», ни как «чужого» и допустимы в обоих типах контекстов. Об этом свидетельствует тот факт, что в народной разговорной речи к адресату, называемому по имени и отчеству, можно обращаться как на *ты*, так и на *вы* (о связи местоимения *ты* с понятием «личной сферы» см. [6, с. 645–646]). Так, Дуня всегда называет влюбленного в нее соседского парня *Илью Ильей Ивановичем*, демонстрируя ему свое уважение: *Дуня откинулась от работы и, посмотрев в наивное, горящее и смущенное лицо Ильи, звонко засмеялась:*

– *Ну, какой же **ты** смешной, **Илья Иванович!** Ровно маленький!*

В свою очередь Илья называет ее покровительственно – *Дуняшкой*. Проезжий обращается к крестьянину Петровану: *Як тебе, Петрован **Василич**, шел ругаться...* – демонстрируя ему свое уважение, но стремясь сократить между ними дистанцию, обращением *ты* вписывая его в свою «личную сферу».

Как уже было сказано, полное имя с отчеством уточняет референта, называя его не только по личному имени, но и по имени отца. В тексте «Былины» героиня, отцом которой является Петрован, получает еще одно имя – *Авдотья Петровна, вдова Астахова*. Называя Авдотью таким образом, ее брат Микулка и прежде влюбленный в нее Илья полностью исключают ее из своей личной сферы: у нее другое отчество и другая фамилия, она разорвала все связи со своей семьей, теперь это вдова купца Астахова, богатая, манерная, грубая, расплывшаяся – совсем «чужая»: *...Илья... долго ...рас-*

сказывал со слов почтаря разные подробности про *Авдотью Петровну*, умалчивая многое такое, что могло обидеть Петрована.

Таким образом, отчество и фамилия также служат средством выражения значений «свой» – «чужой».

Отчества. Итак, прототипом для полной формы имени с отчеством является взрослый человек с более высоким, чем у говорящего, статусом, как «свой», так и «чужой», не входящий в «личную сферу» говорящего. В деревне людей, вызывающих уважение, народ называл только по отчеству. Прототипом для такого наименования является взрослый человек, «свой», с более высоким, чем у говорящего, статусом. Так, в «Былине» встречаются героини, к которым обращаются преимущественно по отчеству (*Стратилатовна, Петровна*), демонстрируя им уважение:

– *Петровна!* А зачем к тебе шатается эта кержачка-то?

Неполные имена. Как уже было сказано, в обычной жизни полной форме предпочитается неполная форма имени: *Дуня* (от *Авдотья*). Именно так называют героиню «свои»: члены семьи, соседи, деревенские жители. Таким образом, *Дуня* – это нейтральное имя для «своего», входящего в «личную сферу» говорящего, к которому говорящий испытывает теплые чувства:

Притих, залюбовавшись ей парень, но вскорее румяное, до смуглоты нажженное морозами лицо его снова заиграло в озорной улыбке.

– *Помнишь, Дуня, как ты меня в Бога веровать учила?*

Обращение с помощью неполного имени является единственно допустимой формой для постороннего. В этой связи интерес представляет разговор Проезжего с Петрованом, состоявшийся после того, как «по деревне слух пошел». Согласно речевым нормам, Проезжий должен был бы назвать в разговоре с Петрованом его дочь *Дуней*, т.е. нейтральной для семьи формой имени. Такое именование дочери собеседника является простым проявлением вежливости и характеризует говорящего как воспитанного человека. Так и поступает Проезжий, называя сына Петрована *Микулкой*:

– *А ведь я, Петрован Василич, шел к тебе ссориться, а вот из-за Микулки-то и позабыл об этом.*

Однако Проезжий на протяжении всего разговора избегает называть по имени дочь Петрована:

– *Видишь ли, Петрован Василич, – продолжал Проезжий, – твоя дочь пришла ко мне в слезах сегодня и я... Я, конечно, понимаю ее. Не знаю, как тебе сказать, но... Мне вас обманывать нечего. Я хочу сказать, – он хотел говорить проше, но путался в словах...*

Проезжий, не желая выразить свое дружеское расположение и заинтересованность к Дуне, чтобы не быть неправильно понятым Петрованом, не называет ее в разговоре с Петрованом *Дуней*, как того требуют нормы речевого этикета, а называет ее *твоя дочь*, подчеркивая полную свою отстраненность от девушки.

Поскольку неполное имя является немаркированной формой для именовании «своего», то для выражения различных чувств по отношению к референту используются другие формы – имена субъективной оценки.

Имена субъективной оценки. Все эти имена образованы от неполного имени. Таким образом, они характеризуют референта как «своего» и выражают дополнительно различные чувства говорящего по отношению к референту и оценку говорящим статуса референта. Имена субъективной оценки подробно рассмотрены в работе А. Вежицкой [2], поэтому мы остановимся только на тех формах, которые допускают иную интерпретацию.

Формы на -ша (*Дуняша, Ванюша*). Эти формы передают ласку говорящего по отношению к референту имени: (соседка) *Притворно-ласковым и непривычно-учтивым голосом пропела:*

– *Здорово вы живете! Здравствуй, бабонька. Здорово ты, Дуняша!*

Анна Вежицка пишет, что имя с суффиксом -уш- звучит серьезно, интимно и ласково, не «уменьшительно», а ласкательно-«увеличительно» [2, с. 137]. Однако, как нам представляется, прототипом этих форм является ребенок. В тексте «Былины» эти формы употребляют взрослые персонажи только по отношению к детям или очень молодым людям: бабушка и Петрован, когда думают о Дуне-девочке (*Смотрит Петрован: Микулка стал на Дуняшу походить, на молоденькую – точка в точку*); бабушка – по отношению к Илье, который ей годится во внуки (– *Сбегай-ка, Илюша, позови его. А то ведь он там весь вечер прокалякает! распорядилась бабушка, пряча босые ноги под подол сарафана*).

Формы с суффиксом -к (*Микулка, Дунька, Дуняшка*). Прототипом форм с суффиксом -к также является ребенок. Так, *Микулка* – это нейтральное имя для маленького мальчика, которое употребляется и в интродуктивной функции: *Да и спешить с выдачей Овдотьи замуж неохота: у Петрована сын растет, едят те мухи, уж по восьмому году, Микулка*. *Микулка* – ребенок, поэтому входит в «личную сферу» любого говорящего, так как нуждается в его покровительстве и защите; кроме того, по отношению к детям обычно испытывают положительное эмоции, ласку, дружелюбие. Поэтому даже «чу-

жой» называет мальчика Микулкой: *И Приезжий, не смотря ни на кого, точно стыдился своих слов, сказал:*

– А ведь я, Петрован Василич, шел к тебе ссориться, а вот из-за **Микулки**-то и позабыл об этом.

Формы с этим суффиксом могут относиться и к взрослым референтам, статус которых, по мнению говорящего, ниже, чем его собственный. При таком употреблении формы на *-ка* выражают отсутствие дистанции и различные оттенки покровительственного отношения. Согласно А. Вежбицкой, формы с суффиксом *-к* с мягкой основой звучат более грубо, чем формы с твердой основой [2, с. 147]. И мы должны с этим согласиться: если имя референта допускает две формы с суффиксом *-к*, то форма с мягкой основой употребляется для выражения пренебрежения (*И уже вся деревня и, в особенности Спиридоновна, свидетельствовала, что куча маскировщиков «поймали Дуньку с барином»*), а форма с твердой основой – для выражения покровительственного отношения (и ласки форма на *-шка*). Последнюю форму часто употребляют парни при обращении к девушке, демонстрируя ей свое покровительственное отношение. Так обращается к Дуне Илья:

– **Дуняшка!** Ну, вот ей Богу...

В речи Микулки тоже появляется ласково-покровительственная форма *Дуняшка*, когда он представляет себя взрослым, способным заботиться о Дуне:

– Я, когда вырасту, дак еще не эки обноты накуплю! – говорил Микулка, полагая, что его слушают и отец и бабушка, – Все-ем накуплю. И **Дуняшке** и бабушке по кацавейке да по фартуку да по сапогам новым... Со скрипом ижно.

Формы с суффиксом *-ушк-* (*Дунюшка, Микулушка*). *Дунюшка* и *Микулушка* – формы, типичные только для деревенской речи и фольклорной литературы. Согласно А. Вежбицкой, такое имя несет в себе не столько ласкательный характер, сколько чувство жалости, сочувствия. Так, Микулка говорит о своей сестре: – Дак это я так только... Это я сказал невзаболъ... Это только из-за **Дунюшки** я... Мне **Дунюшку** жалко.

Добавим только, что в речи сельских жителей формы с этим суффиксом образуют не только неполные имена, но и отчества:

– С праздничком-то вас, Анистья Ивановна!... Здорова, ты, **Петровнушка!**

Таким образом, в прагматическом слое имени содержится информация об отношении говорящего к обозначаемому лицу или к адресату: о том, как говорящий оценивает свой социальный

статус по отношению к статусу адресата; о том, какие чувства говорящий испытывает по отношению к адресату. Кроме того, в прагматическом слое имени может содержаться информация о том, считает ли говорящий референта имени «своим» или «чужим», информация о социальном статусе самого говорящего, о его эмоциональном состоянии, о цели, которую хочет достичь говорящий с помощью своего высказывания, а также различные отсылки к прецедентным текстам.

Однако имя в художественном тексте передает не только прагматическое значение, т.е. информацию об условиях его употребления в различных коммуникативных ситуациях, но и сигнификативное значение, т.е. информацию о том способе, каким референт отражается в сознании говорящего. Обычно считается, что сигнификативное значение имени сводится к указанию на пол референта: *Дуня* – лицо женского пола, *Микула* – мужского. Однако, по крайней мере в художественном тексте, сигнификативный слой значения имени значительно богаче, чем простое указание на пол референта. Так, Илья любит и ищет пропавшую *Дуню*, «голубку чистую», а находит *Авдотью*, пьяную, грубую, ожесточившуюся: *Опознал Илья Авдотью, ошалел от злости, от неожиданной встречи, от паскудных дум о ней... Илья ошалел именно от встречи с Авдотьей*, поэтому в данном контексте невозможно употребление имени *Дуня* (Ср. **Опознал Илья Дуню, ошалел от злости...*). Один и тот же референт может быть обозначен именами с разными сигнификатами: *Дуня*, *Авдотья*, *Авдотья Петровна*. И, при тождестве референта, эти имена несут информацию о разных его свойствах: *Хотела этой бестолковой ложью загородить себя и спрятать ту, буйную и дикую и опозоренную городскую девку, и ту закиданную грязью, но ожившую после случая с вернувшимся отцом, старопрежнюю, притиснутую где-то в самый уголок души Дуню... Хотела показать третью, новую, в башмаках с высокими каблучками, ... с какими-то ужасными и непонятными словами городского обхождения, которые саму жгли до нутра, но без которых не могла бы жить и прятать первых двух, слившихся воедино, но живущих на угольях женщин: Дуню и Авдотью. И вот, увидев эту третью, Авдотью Петровну, вдову Астахову, Илья не принял, не пожелал...*

Имена главного героя «Былины»: *Микула*, *Матвей Бочкарь*, *Иван Лихой* – также несут информацию о разных его свойствах: *Микула* – крестьянин, *Матвей Бочкарь* – незадачливый разбойник, *Иван Лихой* – разбойник «могучий,

грозный, отважный и находчивый», «атаман повстанческой зеленой армии». С возможностью обозначения референта именами с разными сигнификатами связана еще одна функция имен: имя в художественном тексте может служить средством выражения эмпатии, или точки зрения. Предложение, отражая некоторую ситуацию, сообщает и о том, с позиции какого из участников говорящий воспринимает эту ситуацию. Фокус эмпатии это тот участник ситуации, через отсылку к которому описываются все остальные участники. Следующие предложения отличаются друг от друга именно фокусом эмпатии:

– ... А ты што, богатыйр наш Муромец? – обратилась она к **Бочкарю**....

Микула отвернулся от нее и, смотря в овраг, на пасеку, снова нахмурился.

Первое предложение описывает ситуацию глазами арестантов, которые знают героя под каторжным именем *Матвея Бочкаря*. Второе предложение описывает ситуацию с точки зре-

ния самого героя, *Микулы*. Следующие предложения также различаются фокусом эмпатии: *Затих **Бочкарь**, нахмурился, сел на край дороги, закурил и стал глядеть мимо оврага, на реку. Слово «побег» ударило, обожгло и заморозило. Но некуда и не к кому и незачем бежать **Микуле**.* Одна и та же ситуация рассматривается в этих предложениях с позиции каторжанина Матвея Бочкаря и крестьянина Микулы, которые уживались в одном персонаже.

Таким образом, имя в художественном тексте обладает весьма сложной семантикой. Оно передает не только прагматическое значение, т.е. информацию об условиях его употребления в различных коммуникативных ситуациях, но и сигнификативное значение, т.е. информацию о том способе, каким референт отражается в сознании говорящего, а также служит средством выражения фокуса эмпатии, являясь категорией «упаковки» пропозиционального содержания предложения.

Литература

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2004.
2. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
3. Гребенщиков Г. Былина о Микуле Буяновиче. М., 2002.
4. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000.
5. Сироткина Т. А. Личное имя в фольклорном тексте // Фольклорный текст – 98. Пермь, 1998.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. М., 1995.